

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВАРИАНТОВ ЛИЧНОГО ИМЕНИ МАРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ», «НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ», «ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ» И «ТРИ СЕСТРЫ»)**Афанасьева Мария Александровна**

студент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, РФ, г. Ярославль

Разумов Роман Викторович

научный руководитель, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка, преподаватель Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, РФ, г. Ярославль

Личные имена играют важную роль в жизни общества. Они способны передавать информацию о человеке как в реальной жизни, так и в художественном тексте, где часто выступают в качестве важного средства характеристики персонажа и участвуют в создании образа исторической эпохи, о которой идет речь в произведении.

Большой интерес для ономастики и литературоведения представляет изучение литературной биографии отдельных личных имен. Ранее учеными исследовались такие личные имена, как *Нина*, *Ли́за* и *Светлана*. В нашей работе мы решили обратиться к изучению функционирования имени *Мария*.

Цель нынешнего исследования — проанализировать специфику функционирования форм личного имени *Мария* в произведениях А.П. Чехова. Для анализа были взяты рассказы «Учитель словесности», «Невидимые миру слезы», повесть «Цветы запоздалые» и пьеса «Три сестры». Отметим, что личное имя *Мария* встречается во многих произведениях писателя, однако, в выбранных текстах, в отличие от других, функционирование разных вариантов именования героинь, характерных для конца 19 века, представлено наиболее наглядно.

Нами были отмечены следующие модели личного имени *Мария*, при перечислении которых мы будем указывать количество их употребления в анализируемых произведениях:

- «полное имя + отчество: *Мария Сергеевна* (5), *Марья Сергеевна* (1), *Марья Петровна* (2);
- «полное имя + фамилия»: *Мария Годфруа* (3); иногда эта форма сокращается до *Годфруа* (2);
- «неофициальная форма имени + фамилия»: *Маша Шелестова* (3);
- «инициалы»: *М.Ш.* (2);
- «неофициальная форма имени»: *Маруся* (154), *Маша* (41), *Манюся* (31), *Маня* (20), *Манечка* (5), *Машка* (1), *Машенька* (1), *Машуня* (1), *Манюня* (1), *Мари* (3).

Рассмотрим каждую модель отдельно.

Форма «**полное имя + отчество**» встречается в двух произведениях: в рассказе «Невидимые миру слезы» и в пьесе «Три сестры». Данная модель используется в тех случаях, когда герои помещены в официальную обстановку и между ними нет близких, родственных отношений; например: «**Марья**, говорят, **Петровна** — это, говорят, не женщина, а нечто, говорят, неудобопонятное» («Невидимые миру слезы»); «Я, извините, **Мария Сергеевна**, уйду

потихоньку» (Вершинин, «Три сестры»).

Модель «**полное имя + фамилия**» представлена только в рассказе «Учитель словесности». *Марией Годфруа* шутливо называют главную героиню произведения *Машу Шелестову* ее отец и возлюбленный Никитин: «**Мария Годфруа**, — сказал он [Никитин — М.А.] и не узнал своего голоса — так он был нежен и мягок, — в чем вы грешны?». Иногда Никитин величает *Машу* и просто *Годфруа*, например, в момент попытки объяснения в любви: «Я не могу, не в состоянии... Понимаете ли, **Годфруа**, я не могу... вот и все...». Это прозвище возникает в тексте произведения неслучайно. Г.А. Шалюгин в статье «Учитель словесности (Предыстория рассказа)» приводит следующее объяснение: «В сентябре 1888 г. Суворин-младший сообщал Чехову, что в Феодосию приехал цирк. Примадонна Мария Годфруа произвела на Настю и Бориса очень сильное впечатление. Надо иметь в виду, что Суворин держал собственных лошадей, и Настя — страстная поклонница Годфруа — увлеклась верховой ездой. Любопытно, что старик Шелестов величает дочь Машу именно шутливым именем Годфруа; об этом мы узнаем уже в первых строках рассказа Чехова: « — Ну, **Мария Годфруа**, иди садись. Опля!» [Г.А. Шалюгин. Учитель словесности (Предыстория рассказа)].

Только в этом произведении используется и модель «**неофициальная форма имени + фамилия**». Она встречается в начале произведения во время знакомства читателя с героиней, а также в одной из реплик Никитина, который сообщает о своем намерении жениться: «**Маша Шелестова** была самой младшей в семье; ей было уже 18 лет, но в семье еще не отвыкли считать ее маленькой и потому все звали ее Маней и Манюсей»; «— Представьте, женюсь! На **Маше Шелестовой**! Сегодня предложение сделал».

Модель «**инициалы**» встречается только в «Учителе словесности». Она показывает внимание к героине и говорит о чувствах героя к ней: «Когда он ровно в девять часов вошел в этот класс, то здесь, на черной доске, были написаны мелом две большие буквы: **М.Ш.**»

В анализируемых текстах А.П. Чехова встречается несколько неофициальных форм личного имени *Мария*. Рассмотрим каждую из этих форм.

Личное имя *Маша* встречается во всех анализируемых произведениях и используется в речи персонажей, с которыми у героини близкие, родственные отношения, или в речи автора: «Старик Шелестов оседлал Великана и сказал, обращаясь к своей дочери **Маше**» («Учитель словесности»); «**Маша** моя что-то больна сегодня. Уж вы извините» («Невидимые миру слезы»); «Я ее очень люблю, **Машу**» (Три сестры); «Знаешь, что я скажу тебе, **Маша**?» («Цветы запоздалые»).

Машкой называет героиню в пьесе «Три сестры» ее сестра Ирина: «Ты, **Машка**, злая». Она не является частотной в произведениях Чехова. Эта модель была распространена в XIX веке для обращения к девушкам низкого социального статуса. К началу XX века (пьеса была написана в 1901 году) форма, по данным НКРЯ, исчезает из текстов художественной литературы.

Машенькой, *Манечкой*, *Машуней* и *Манюней* называет героиню ее муж в рассказе «Невидимые миру слезы»: « — **Машенька**! — сказал он, осторожно приближаясь к кровати. — Проспись, **Машуня**, на секундочку»; « — Подкрадываюсь я сейчас к **Манечке**, хочу ее испугать, да как стукнусь в потемках о кровать! Ха-ха. Но вот и **Манечка**. Какая ты у меня растрепе, **Манюня**! Чистая Луиза Мишель!».

Форма *Манюся* встречается только в «Учителе словесности». Она упоминается в несобственно прямой речи героя. Никитин любит *Машу*, они часто видятся, ее образ возникает у него в голове, поэтому автор и называет героиню именно таким образом: «И, досадуя, что он не объяснился еще с **Манюсей** и что ему не с кем теперь поговорить о своей любви, он пошел к себе в кабинет и лег на диван».

Личное имя *Маруся* употребляется только в речи автора в повести «Цветы запоздалые». У героини нелегкая судьба, поэтому автор, возможно, сочувствуя и симпатизируя героине, употребляет эту форму имени: «Княжна **Маруся**, девушка лет двадцати, хорошенькая, как героиня английского романа, с чудными кудрями льняного цвета, с большими умными глазами цвета южного неба, умоляла брата Егорушку с меньшей энергией»; «И **Маруся**

(простите ей, читатель!) вспомнила тургеневского Рудина и принялась толковать о нем Егорушке».

Иностранная форма этого имени — *Мари* — употребляется только в «Цветах запоздалых» матерью героини, княгиней; эта модель социальна и была распространена в высшем свете: «Поздравляю тебя, **Мари**, с женихом! А кто он? Можно узнать?».

Просторечное имя — *Маня* — встречается в «Учителе словесности» и употребляется в несобственно прямой речи героя: «После венчания все в беспорядке толпились около меня и **Мани** и выражали свое искреннее удовольствие, поздравляли и желали счастья».

Употребление форм личного имени *Мария* в произведениях А.П. Чехова отражает, очевидно, положительный образ героинь. Особо показательными являются прилагательные, которыми автор наделяет своих героинь: *Мария* у Чехова «сияющая и веселая», *Маша* — «хорошая и честная», *Маня* — «разумная и положительная», *Маруся* — «хорошенькая и маленькая», а *Манюся* — «молодая и наивная». Интересен и выбор существительных, характеризующих героинь. Например, в рассказе «Учитель словесности» Никитин использует такие обращения как «золото мое» и «моя радость»: «Иногда ради шутки Никитин просил у нее стакан молока; она пугалась, так как это был непорядок, но он со смехом обнимал ее и говорил: — Ну, ну, я пошутил, золото мое! Пошутил!»; « — Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость, — говорил он, перебирая ей пальчики или распуская и опять заплетая ей косу». А в произведении «Невидимые миру слезы» Ребротесов называет героиню «ангелочком» и «куколкой»: «Я, Машенька, относительно вот чего... Дай, ангелочек, ключи и не беспокойся...»; «Я сам распоряжусь, а тебя и не побеспокою... Лежи себе, куколка... Ну, как твоё здоровье?». Но иногда положительные прозвища взаимодействуют с негативными, что создает комический эффект. Например: «И он напишет ей... Свое письмо начнет так: милая моя крыса... — Именно, милая моя крыса, — сказал он и засмеялся». Или: «Выходит, значит, что ты мне не подруга жизни, не утешительница своего мужа, как сказано в Писании, а... неприлично выразиться... Змейей была, змея и есть...»; «Манечка! Ангел! Лютое существо, не срами ты меня перед обществом! Варварка ты моя, до каких же пор ты будешь меня мучить?»

В заключение отметим, что появление в произведениях А.П. Чехова новых форм личного имени *Мария* и сокращение количества употребления вариантов имени, характерных для произведений начала 19 века, создают иной образ героинь, поэтому и специфика функционирования личных форм отражена по-другому.